

В ушах отчетливо плескалась вода.

Янь Хуайлин с трудом разлепил веки; они казались налитыми свинцом. «Неужели... меня вывезли к морю?» — вяло промелькнула мысль.

Ему потребовалось немало усилий, чтобы окончательно прийти в себя. Голова была тяжелой, словно чугунный котел. Однако над ним раскинулось вовсе не лазурное небо, как он ожидал, а серые, давящие своды каменного грота.

Память возвращалась неохотно, по крупицам: Лю Сямин... похищение... пещера Хуфэн-дун... Он медленно приподнялся, но увиденное заставило его замереть от оторопи.

Он сидел на каменном возвышении — том самом троне, на котором обычно восседал Дун Хуан. А всё пространство внизу заполнила спокойная, зеркально гладкая вода, превратив пещеру в глубокое призрачное озеро.

Он уже хотел было вскрикнуть, но взгляд его упал на трон. Рядом с ним, наполовину погруженный в воду, лежал Цзан Е. Его глаза были плотно закрыты, лицо бледнее полотна, а в уголках губ запеклась темная кровь.

Его сердце, казалось, пропустило удар. Он бросился вперед, вцепился в воротник Цзан Е и потянул его на себя, боясь, что тот вот-вот соскользнет и захлебнется.

Кое-как затащив неподатливое, пугающе тяжелое тело на возвышение, он уложил его и дрожащими пальцами коснулся ноздрей.

Никакого тепла. Воздух не шевелился.

В панике он приник ухом к груди гвардейца, отчаянно пытаясь уловить хоть какой-то ритм. Но внутри царила мертвая тишина.

В глазах потемнело. Он приподнял Цзан Е, прислонив его, ледяного и обмякшего, к спинке трона. Прижав ладони к груди мужчины, он начал яростно вливать в него свою внутреннюю энергию, пытаясь искусственно запустить сердце.

Минуты тянулись бесконечно. Он продолжал истощать свои силы, пока ладони не начало обжигать жаром. Ему пришлось отстраниться, но грудь Цзан Е оставалась неподвижной. Ни намека на жизнь.

В отчаянии он вспомнил содержание свитков Ваньлина, что знал назубок, и про свиток Янхуа, покоившийся за пазухой гвардейца. В глазах вспыхнул призрачный огонек надежды.

«Там ведь медицинские записи! Должен быть способ!»

Дрожащими руками он извлек из одежд Цзан Е промокший свиток. Перелистывал страницу за страницей — от первой до последней, но тщетно. Там были секреты долголетия, рецепты снадобий для укрепления тела, особые методики тренировок, характерные для Ваньлина и Янхуа, но ни слова о том, как вернуть человека с порога смерти.

Он вспомнил о легендарном «Свитке десяти тысяч лет», за которым охотился весь мир. Его сердце болезненно сжалось. Даже если в архивах Хуа и существовало подобное знание, оно наверняка было сокрыто именно в том, последнем свитке.

Он смотрел на свиток Янхуа в своих руках, и тот казался ему теперь не бесценным сокровищем, а куском бесполезной, мокрой бумаги. Отшвырнув его на трон, он обернулся к выходу из пещеры.

Применив технику «Яньго Ухэнь», он одним рывком достиг заваленного прохода. Веером в руках он раз за разом наносил удары — «Цзиньянь Чжэньчи», «Хуньянь Линьмэнь»... Грохот сотрясал своды пещеры, камни вибрировали, но массивная глыба, преграждавшая путь, не сдвинулась ни на цунь.

Понимая, что его внутренней силы недостаточно, чтобы в одиночку пробить выход и доставить Цзан Е к врачу, он вернулся к трону. Его душа словно покрылась пеплом.

Глядя на мужчину, чье лицо в бессознательном состоянии казалось пугающе безмятежным, он снова опустился на колени. Он притянул Цзан Е к себе, надежно зафиксировав его голову на своем плече.

— Господин Цзан, вы не можете... просто так умереть, — голос сорвался на едва слышную дрожь.

Он осторожно завел руки под мышки гвардейца, прижимаясь ладонями к его позвоночнику, и снова начал вливать энергию, пытаясь разогнать кровь, заставить жизнь вернуться в застывшие жилы.

— Если вы не проснетесь, представляете, в каком затруднительном положении я окажусь?

Голова Цзан Е безвольно покоилась на плече Янь Хуайлина. Мужчина оставался недвижим.

— Эй, господин Цзан, неужели вы не боитесь, что я присвою себе все заслуги? — Он пытался выдавить улыбку, но лишь жалко кривился. Он увеличил напор силы, бормоча под нос: — Ну же, очнитесь...

Он боролся долго, пока в глазах не поплыли круги, а надежда не начала угасать, как

последний отблеск заката. Пальцы, впившиеся в спину Цзан Е, дрожали.

— Господин Цзан... Лучший меч Поднебесной... Неужели вы вот так позорно падете?

Человек в его объятиях продолжал спать своим вечным сном.

Когда сил больше не осталось, он уткнулся лицом в шею гвардейца и замер. Спустя какое-то время осторожно отстранился и устроил голову Цзан Е у себя на коленях.

Привалившись спиной к трону, он долго смотрел на круги на воде, пока его взгляд, затуманенный и пустой, не вернулся к лицу гвардейца. Он медленно протянул руку и кончиками пальцев коснулся его щеки — нежно, едва ощутимо.

В этот раз ему не нужно было притворяться, не нужно было скрываться за маской паясничанья. Он мог касаться его открыто.

Он заметил даже мельчайшие опалины на кончиках волос гвардейца — следы недавнего пламени. Грубые на ощупь пряди напоминали о том, с каким непоколебимым упорством этот человек бросился в огонь.

Черные брови, плотно сомкнутые веки, за которыми скрывались те самые пронзительные, захватывающие дух глаза... Гордая переносица, волевые губы...

Его пальцы окрасились в багрянец — кровь на губах Цзан Е еще не совсем засохла. Он смотрел на них, чувствуя, как в груди разливается острая, невыносимая боль.

«Как всё дошло до этого?» — вспомнил он свой недавний вопрос.

Бережно, краем своего белоснежного одеяния, он стер кровь с лица гвардейца. Баюкал его лицо в своих ладонях, и собственное дыхание щекотало кожу Цзан Е. Лицо, всегда полное жизни и достоинства, теперь было бледным, как снег, и холодным, как придорожный камень.

И вдруг он почувствовал, как в груди вскипает безудержный, горький смех.

«Камень».

Верно. Эта глыба, которую невозможно было согреть, этот нетающий лед... сегодня он останется здесь навсегда.

Засмеявшись, он прижал пальцы к вискам. Сначала смех был хриплым, приглушенным, но затем перерос в настоящий хохот, звонкий и жуткий в тишине грота. Его плечи содрогались, и

вместе с ним покачивалось тело Цзан Е.

Наконец, выплеснув всё, он обессиленно замолк.

Какая ирония. Человек, который твердил, что его жизнь принадлежит лишь долгу и Лингуаням, теперь умирает ради него — праздного гуляки, чья жизнь не стоила и ломаного гроша.

Он понимал: Цзан Е вовсе не обязан был подвергать себя такой опасности. Его задачей была доставка свитков. Он мог бы позволить Янь Хуайлину сгнить в этой пещере, и его миссия всё равно считалась бы выполненной.

Но этот рассудительный, безупречный Золотой гвардеец совершил роковую ошибку.

— Господин Цзан... — Он коснулся его лба, чувствуя, что силы окончательно покидают его. — Я... я больше ничего не могу сделать.

Он тяжело вздохнул и откинул голову назад, глядя в свод пещеры.

— Мне-то что... Отлежусь пару дней, а когда этот подлец Лю Сямин решит, что я издох, и откроет дверь, я просто...

Он не договорил. Его лицо дрогнуло, в глазах, устремленных в пустоту, скопились крупные слезы. Мир вокруг застыл, слышался лишь мерный звук падающих капель.

— Я просто нападу на него из засады... — слезы покатались по щекам, одна за другой. — У меня должно получиться, и тогда...

Голос окончательно сорвался. Он зажмурился и закинул голову еще выше, пытаясь остановить поток слез. Но эмоции, копившиеся так долго, больше не желали подчиняться.

Он судорожно сжал пальцы, мертвой хваткой вцепившись в одежды Цзан Е.

— Если бы мы могли... выйти отсюда вдвоем... живыми... было бы неплохо... Господин Цзан...

Никогда прежде он так отчаянно не желал, чтобы кто-то выжил. Скитаясь по свету, он знал: оставить в сердце место для кого-то — значит обзавестись слабостью, которая рано или поздно станет твоей погибелью.

Но Цзан Е незаметно пустил корни в его душе, став его самым уязвимым местом. Его единственной брешью.

И он, который всегда дорожил своей шкурой превыше всего, вдруг осознал, что втайне молит небеса: пусть он умрет, лишь бы Цзан Е открыл глаза.

Слезы падали на лицо гвардейца.

— Моя жизнь по сравнению с вашей... ничего не стоит...

В этой тьме, в этом предсмертном ожидании чувства, прежде бывшие мутным хаосом, наконец очистились и обрели имя.

Он медленно накрыл своей ладонью руку Цзан Е и крепко сжал её.

К черту приличия. К черту запреты. Ему было всё равно.

«Только живи. Только открой глаза — и мне больше ничего не нужно».

Охваченный горем и истощением, он погрузился в какое-то оцепенение. Неизвестно, сколько прошло времени, когда до его слуха донесся всплеск и шорох осыпающихся камней.

Он с трудом открыл глаза. Перед ним стояла незнакомая девушка.

Он хотел было что-то сказать, но она протянула руку и бесцеремонно вздернула его за подбородок, осматривая лицо. Сил сопротивляться не было. Девушка отпустила его и склонилась над Цзан Е. Она взяла его за запястье, проверяя пульс.

—... — Он попытался заговорить, но гортань словно забило песком.

Девушка, не глядя на него, выставила ладонь, приказывая молчать.

— Твой друг едва дышит, но надежда еще есть, — пробормотала она. — Хотя он на волоске от смерти. Никогда не видела такого беспорядка в каналах. Словно лед и пламя столкнулись... Внутренняя энергия выпита досуха. Даже если очнется, на восстановление уйдут месяцы.

Услышав, что Цзан Е жив, он почувствовал, как мир снова обретает краски.

— Это... правда? — прохрипел он.

Девушка бросила на него короткий взгляд и фыркнула:

— Зачем мне тебе лгать?

— Спасибо, что спасли нас... — Он вдруг осознал странность ситуации. Как в замурованной пещере мог появиться кто-то еще? — Позвольте спросить, как вы...

— А ты не дергайся, — прервала его незнакомка. Она подошла к нему и тоже взяла за руку. На её лице отразилось изумление. — Ты... тебе чуть лучше, чем твоему приятелю, но тоже хорош. Почти пустой. — Она покосилась на Цзан Е. — Это ты в него остатки сил вливал?

Он промолчал.

Девушка подождала ответа и хмыкнула:

— Вы, люди из тайных школ, совсем страх потеряли. Жизнью швыряетесь направо и налево, а мне потом возиться.

— Вы из школы Дун Хуана? — слабо спросил он.

— Тьфу на тебя! — рассердилась она, словно её оскорбили. — Стану я мараться об этих мясников!

Он удивился. Заметив его недоумение, девушка пояснила:

— Меня зовут Лин Сян. Я живу неподалеку от Хуфэн-дун. Если бы не редкие травы, что растут в этих гротах, я бы и носа сюда не совала. Хожу потайными тропами, мне не привыкать.

— Потайные тропы?.. — выдохнул он.

— Ну да. Иначе как бы я пробралась в логово этих фанатиков? Здесь охрана на каждом шагу.

— Скажите, добрая девушка, где этот путь? — он воспрял духом. Еще минуту назад он был готов встретить смерть.

— Ох и много же ты болтаешь. Сил нет, а язык чешется, — Лин Сян нетерпеливо поморщилась. — Мне пора, наставница голову оторвет, если задержусь. А что с вами делать... вернусь, доложу ей, тогда и решим.

— Девушка! Умоляю... — начал было он.

Но Лин Сян уже выхватила из-за пазухи пучок трав и сунула ему прямо под нос.

— Спасите... прежде всего... его...

Запах трав ударил в голову, и он провалился в беспамятство.

Лин Сян посмотрела на двух лежащих мужчин и раздраженно вздохнула:

— Вечно я нахожу себе неприятности на голову!

Когда он снова пришел в себя, он обнаружил, что лежит в мягкой и удобной постели.

В воздухе витал тонкий аромат благовоний. Он глубоко вдохнул и медленно сел.

В нескольких шагах, на другой кровати, лежал Цзан Е. Его грудь была обнажена и тщательно перебинтована.

Заметив мерное, едва уловимое дыхание гвардейца, он почувствовал, как с души свалился огромный камень. С трудом спустившись на пол, подошел к кровати Цзан Е и сел рядом.

Глядя, как тот спокойно спит, он не удержался и осторожно сжал его ладонь. Ощутимое тепло, исходящее от кожи гвардейца, принесло ему долгожданный покой.

Вскоре брови Цзан Е дрогнули, а пальцы шевельнулись. Он тут же отстранился, во все глаза глядя на мужчину.

Цзан Е медленно открыл глаза. Сначала его взгляд был блуждающим, затуманенным, но стоило ему увидеть Янь Хуайлина, как лицо разгладилось.

—...Ты... — прошептал он хрипло.

— Господин Цзан, — он горько улыбнулся и ободряюще кивнул.

Цзан Е, кажется, успокоился. Он снова прикрыл веки и едва заметно улыбнулся.

—...Главное... что ты цел.

Он снова коснулся его руки, и в этот раз уже не отпускал. Гвардеец не ответил на рукопожатие, но и не отстранился. Долго смотрел на него, понемногу сжимая пальцы всё крепче.

— Ох и заботливый же ты. Не стоило вам обоим ввязываться в такие глупости.

За спиной раздался недовольный голос. Янь Хуайлин обернулся и увидел Лин Сян. Она вошла в комнату, неся таз с водой.

Смутившись, он отпустил руку гвардейца и поднялся, намереваясь помочь.

— Не нужно, — отрезала девушка. — У меня нет времени нянчиться с двумя сразу. А ну-ка марш в постель!

— Со мной всё в порядке.

— Внешне, может, и так, а внутри у тебя всё в клочья, — фыркнула Лин Сян. — Наставница проверяла ваш пульс. Тебе повезло больше, чем твоему другу, но расслабляться рано.

— Простите мою дерзость, кто ваша наставница? Я хотел бы поблагодарить её лично.

— Ха, моя наставница — это...

— Лин-эр.

Раздался спокойный, глубокий голос зрелой женщины.

Янь Хуайлин и Лин Сян одновременно повернулись к двери.

В комнату вошла женщина в скромном сером одеянии. В её волосах не было украшений, а лицо дышало миром и достоинством. На вид ей было за сорок, но кожа её сияла здоровьем, а глаза были ясными и живыми.

— Учитель, — Лин Сян почтительно поклонилась.

— Ступай, — негромко велела женщина.

— Слушаюсь, — девушка бросила быстрый взгляд на Янь Хуайлина и вышла.

Он опустился на одно колено и сложил руки в приветствии:

— Янь Хуайлин благодарит старшую за спасение жизней! Ваша доброта безгранична!

Женщина посмотрела на него с мягкой улыбкой.

— Оставьте церемонии, молодой господин. Поднимитесь.

Он встал.

— Старшая... вы живете так близко к Хуфэн-дун?

— Именно так.

— Но если это так... — он осекся.

Зная крутой нрав Дун Хуана, он не мог поверить, что тот терпит чужаков под самым боком. Женщина, кажется, поняла его мысли.

— Я живу в этих песках больше половины жизни. У меня нет дел с Дун Хуаном и его школой. Вам не стоит бояться, что они найдут вас здесь.

Он удивился:

— Откуда вы знаете, кто мы?..

— Я проверяла ваш пульс. У тебя — отголоски техник их школы, хотя ты и был брошен ими на произвол судьбы. У твоего друга — чистый «линный» пульс. Сложить два и два было несложно.

Он виновато опустил голову.

— Однако у меня тоже есть к тебе вопрос, — продолжала женщина.

— Слушаю вас.

Она извлекла из широкого рукава всё ещё влажный свиток Янхуа. Лицо её стало строгим.

— Эта вещь принадлежит вам?

Он похолодел.

—...Да! — он непроизвольно шагнул вперед, но женщина убрала свиток обратно в рукав.

— Значит, вы из тех, кто ищет «Архивы Хуа»? — она нахмурилась.

— Не стану скрывать от старшей, — твердо ответил он. — Нам поручено собрать все пять свитков.

— Откуда вы начали путь?

— Из Ваньлина.

— Свиток Ваньлина у вас?

Он заколебался. Несмотря на спасение, он не мог слепо доверять незнакомке.

— Знает ли старшая что-нибудь об этих свитках?

Женщина едва заметно улыбнулась.

— Цянь Чэньцзюня из Ваньлина найти почти невозможно. Видимо, вы не нашли его и сразу отправились в Янхуа к Еман-цзюню?

Он замялся, не зная, как рассказать о том, что произошло в пещере Юцзэ-дун и как они запоминали свитки. Видя его замешательство, женщина удивилась:

— Неужели... вам всё же удалось найти Цянь Чэньцзюня?

Тогда он, решив быть честным, вкратце рассказал ей о падении в расщелину в Ваньлине и о поединке в Янхуа.

— Значит, теперь вы держите путь в Цзюньту, к Байлан-цзюню?

— Верно, — подтвердил он. — Если старшая укажет нам путь, мы будем вечно в долгу.

Женщина посмотрела на него с сочувствием и вздохнула:

— Вы едва дышите. Неужели собираетесь продолжать этот путь прямо сейчас?

— Собираемся, — твердо ответил он.

Женщина долго изучала его лицо, словно проверяя на прочность. Наконец она заговорила:

— Я укажу дорогу. Но при одном условии.

— Слушаю вас.

— Каналы твоего друга в полном беспорядке. Если оставить всё как есть, в будущем его ждет беда.

Он напрягся.

— О чем вы?

— Рана, которую он получил, — результат техники «Сяоти Гуйсяо». Это подлое и жестокое искусство. Оно оставляет в душе семя тьмы. Тот, кто практикует «линные» техники, после такого удара становится крайне уязвим для искушений. Рано или поздно это семя прорастет в «сердечного демона», который сожрет его изнутри.

Янь Хуайлин замер. Об этих «демонах» он слышал лишь краем уха. Для обычного человека это не страшно, но для мастера боевых искусств это означало потерю рассудка и безумие.

— Моё условие просто: вы останетесь здесь, пока полностью не восстановите силы. И ты должен будешь выучить рецепт лекарства, чтобы твой друг мог принимать его и в будущем. Только так он сможет окончательно исцелиться.

Осознав, что условие поставлено ради их же блага, он почувствовал, как к горлу подкатил комок.

— Благодарю вас, старшая! — искренне выдохнул он, низко кланяясь.

<http://bllate.org/book/17493/1713050>